

СЕРГЕЙ ГРИГОРЬЕВ

НАЗАД В ТЕРМЕССОС

ИСТОРИЯ О ВЕРЕ, ПРЕДАТЕЛЬСТВЕ И ПАМЯТИ,
КОТОРАЯ СОХРАНИЛАСЬ В КАМНЕ



VitagrovSV

Сергей Григорьев VitagrovSV

Назад в Термессос

«Автор»

2026

Григорьев VitagrovSV С.

Назад в Термессос / С. Григорьев VitagrovSV — «Автор», 2026

Иллюстрированное путешествие семейной пары к руинам древнего города, где действительность переплетается с мифами, легендами, мистикой; где случайные попутчики, бездомный пёс Полкан, безымянный охранник, говорящий конь и добровольный исследователь античности – билетер Юсуф, становятся проводниками в мир давно ушедших событий, в хронику взлётов и падений цивилизации. Камни разрушенного почти две тысячи лет назад полиса раскрывают свои тайны. Высеченная в скале змея обнажает жалящий зуб. Орлиный коготь вжимает рептилию в камень. Античный скульптор создает послание для будущих поколений. Осталось немного. Сотни две-три тесовых ударов и атака мощного клюва завершит эту схватку между хитростью и честью, между ложью и правдой, между законом и правом. Рука мастера вынесет окончательный справедливый вердикт. Солнечный свет уходит. Глаз каменотеса уже не так зорек. Работа останавливается. В наступившей ночи начинают действовать другие законы...

© Григорьев VitagrovSV С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

1. Дорога	5
2. Нурбек	9
3. Фермеры	11
4. Беледуеси	12
5. Лингвисты	15
6. Юсуф	16
7. Осада города	17
8. Траур по герою	21
9. Историческое уточнение	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Сергей Григорьев VitagrovSV

Назад в Термессос

1. Дорога

Если в городе сесть на 506-й автобус, он повезет Вас в горы. Вчера мы вместе с дорогой супругой Светланой познакомились с народным творчеством уличных музыкантов на набережной Лимана. Сегодня решили окунуться в историю Средиземноморья, поднявшись на одну из вершин анталийского побережья.

- Мераба (здравствуйте) - говорим мы водителю.

Он кивает в ответ:

- Мераба.

Мы выбираем свободные места с левой тенистой стороны. На окнах – защитная серая пленка, но утреннее солнце уже набирает силу, затемненное стекло не в силах сдержать его.

На всякий случай у женщины перед нами уточняем:

- Термессос?

- До конечной, - отвечает женщина.

Она из Казахстана, говорит по-русски. Предупреждает:

- От конечной остановки еще километра два пешком.

Автобус трогается, под потолком чуть слышно жужжит кондиционер. Прохладный воздух опускается к ногам, тербит холку расположившегося на полу общественного с паспортом в ухе пса. Здесь их помечают зеленым или красным чипом. По чипу отслеживают популяцию, контролируют болезни и даже лечат. Как он попал в автобус, непонятно. Городской транспорт в Анталии достаточно аккуратный, чистый; бездомному животному, пусть и с паспортом, здесь не место. Очевидно, водитель не заметил, как он зашел вслед за приглянувшимся ему пассажиром. Надеялся, тот станет его хозяином.



Пес лежит на полу. Вроде бы спит, но глаза прикрыты лишь наполовину. Посматривают: «Может, кому из зашедших понравился?» Пассажиры пса не трогают, не обижают; осторожно, дабы не задеть вытянутые в салон длинные лапы, обходят его.

Городской транспорт в Анталии ходит непривычно быстро, мягко говоря, не мягко и, похоже, без учета какого-либо расписания. Автобуса может долго не быть, а потом подойдут сразу два. Может случиться - три. Вы садитесь в первый и по пути наблюдаете, как второй обходит первого, гудит ему. Первый резко тормозит, гудит в ответ. Пассажиры цепляются за поручни, наваливаются на впереди стоящих, сидящие едва удерживают сумки на коленях. В следующий момент водитель с особым усердием, вдавливая газ. Сумки на коленях сидящих прижимают их к спинкам кресел, стоящие впереди наваливаются на стоящих сзади. Бывший первый начинает обходить второго.

«Наверное, они соревнуются за клиентов», - подумаете Вы. Но в следующий раз никаких соревнований можно и не увидеть. Только водитель все равно будет так же резко тормозить, так же резво разгоняться, звучно гудеть частным машинам. Те не менее звучно будут ему отвечать. Стоящие пассажиры будут давить друг друга; сидящие, для надежности - хвататься за поручни на поворотах.



Примерно так, не мягко, поднимаемся в горы и мы. Дорога хорошая. Транспорта, в отличие от города, почти не встречаем. Догонять, обгонять, пропускать некого. Тем не менее, на поворотах привычно держимся за поручни. Водитель куда-то спешит.

Где-то посредине пути в автобусе появляется детская коляска. Воспитанный общественной жизнью пес знает, чье место занимает. Он вежливо поднимается и... попадает в зеркало водителю. Автобус тормозит, останавливается.

- Чик, дишарик, чик, - кричит водитель (вон, пошел, вон).

К псу не надо подходить, на него не надо махать руками. Пес недаром имеет паспорт, он знает, – сказанное обращено к нему.

Двери распахнуты, пес в надежде оглядывается. И тут он находит поддержку пассажиров.

Взрослая, старше водителя, женщина в хиджабе выражает водителю свое недовольство. Эти турецкие женщины в скромном национальном одеянии, в платке, скрывающем прическу, оставляющем для общения только лицо, мы заметили, обладают здесь особыми правами на свое мнение. Не похоже, что в семье ими руководят мужчины. Возможно, мужчины так думают, и даже за ними последнее слово, но главное слово - за женщиной в платке.

Мы не знаем, о чем она говорит, только пес, почти вышедший из автобуса, останавливается в дверях. В глазах животного - надежда.

Водитель отвечает что-то несогласное. Взмахивает рукой, пес прижимает уши.

И тут возмущение высказывают двое турков мужчин. Они так же жестикулируют, откровенно повышенным тоном произносят что-то свое несогласное водителю. На наш российский слух несогласное переходит порог цензуры. Среди всего многословия, особо нецензурно произносится: «Шумахер!»

Один из них, почтительно склонив голову перед женщиной в хиджабе, обращается к ней: «Абла». Другой машет на руку водителя:

- Шумахер!

По мнению пассажиров, водитель хамит. Abla – старшая сестра, уважительное обращение к взрослой женщине.

- Pardon, - неожиданно по-французски отвечает водитель.

Оказывается, в турецком извинение звучит одинаково с французским.

Женщина в хиджабе молчит. Она не устаивает водителя ответом. Одного ее непроницаемого взгляда достаточно, что бы тот, в конце концов, нажал кнопку, и двери, оставляя пса в салоне, закрылись.



- Вай! – произносит водитель и добавляет на турецком, как мы понимаем, что-то вроде: «Видит бог, я этого не хотел!»

Автобус резко, насколько возможно для тяжелого транспорта, дёргается вперед.

- Шумахер! – кричат из салона.

- Пагрдон! - отвечает водитель.

Мы едем дальше. Едем спокойно, без рывков, без разгонов, без торможений.

Пес, не решаясь лечь, присел на задние лапы, осторожно прижимается к коляске. Детская ручка гладит его бок. Пес преданно смотрит на маму: «Понравился?»

Женщина впереди нас поворачивается, объясняет. Если собаку высадить в неизвестном месте, она заблудится. Местные животные не примут ее. Уважаемая турецкая женщина в хиджабе усмотрела в случившемся вину водителя. Пса необходимо вернуть в город.

Мы едем дальше. В горы. Там, поднявшись на высоту, с которой возможно лицезреть всю Анталию, автобус разворачивается на кольцо своего маршрута. Мы выходим к жестяному навесу. Под навесом - деревянная скамейка и водопроводный кран. С асфальта по грунтовой обочине тянутся следы прошедшего утром овечьего стада. На скамейке сидит почтенный турок в соломенной шляпе.

- Мараба, - здороваемся мы.

- Where are you from? – слышим в ответ.

- From Russia.

- Здравствуйте.

2. Нурбек

Турок оказался киргизом Нурбеком. В Бишкеке преподавал английский язык. Здесь он директор по закупкам. Внизу, в Анталии, его дочка открыла кафе.

- Матрешки, - говорит он.

Матрешки это парк в Лимане, прибрежном районе Анталии. Еще его называют Русским. Там большие матрешки стоят на каменной скамье. Раскрашенные, в платках, в сарафанах. Рядом с парком – кафе. Мы туда заходили. Очевидно, дочку Нурбека и даже внучку, которая после школы помогает маме, знаем.

- Гульнара? – спрашиваем мы.

- Гульнара, - широко улыбается Нурбек.

В горы глава семейства приехал на переговоры с местным фермером.

- Кюзю, - говорит он. - Баранина.

Для убедительности показывает на овечьи следы: растоптанные, разбросанные по дороге темные кругляшки. Предупреждает:

- Какашки.

Автобус стоит за навесом, выжидает положенное время. Водитель подводит пса к крану, включает воду. Пес жадно ловит струю.

- Палкан? – неуверенно произносит Нурбек.

Пес, забыв про воду, радостно размахивая хвостом, бежит к нашему знакомому, прижимается к нему, трется о его ноги; словно кот, подставляет голову под ладонь.

- Он там у нас, у матрешек, обитает, - говорит Нурбек, и, обращаясь к Полкану: - Это же ты с пересадкой доехал?!

Он гладит пса:

- Ну, ну, успокойся, привезем тебя к матрешкам. Иди, попей. Иди, иди. Нам еще обратно ехать.

Пес встретил своего человека. Человек быть может и не станет его хозяином, но точно не бросит одного, не оставит в незнакомом месте.

Водитель, очевидно, еще не остывший от своих «Пагрдон», перекидывает раздражение на Нурбека. То ли в шутку, то ли всерьез укоряет того, что не уследил за собакой. Упреки подкрепляет резкими жестами, повышенным тоном, возмущенной мимикой.



Пес прижимается к Нурбеку. Присел на его сандалии и чуть-чуть пригавкнул на водителя.

- Вай! - отвечает псу водитель и уходит к автобусу.
 - Досталось Вам за друга? – сочувствуем мы.
 - Ааа, - отмахивается Нурбек в сторону уходящего водителя. - Нерусский!
- Мы расстаемся, нас приглашают в Лиман на кюсю.
- Спасибо, зайдем, - обещаем мы. - Привет Гульнаре.
 - Осторожно, какашки, – напоминает Нурбек.

3. Фермеры

Еще с километр мимо фермерских хозяйств. Огромные племенные быки с безразличием смотрят мимо нас. Деревенские коровы, переступая через свои и овечьи следы, нажевывают вечернее молоко. Колесный трактор обгоняет нас по шоссе. Навстречу приближается другой. Еще два трактора тянут какое-то оборудование по полю. Тех, кто сидит в кресле, не поворачивается язык назвать трактористом. Это собственники. Хозяева! И тракторов, и заботливо ухоженной плодородной земли.



Невольно вспоминается народная музыка на вечерней набережной Лимана: тоскливые, страдальческие ноты. Улавливается явный диссонанс народной мелодии увиденному здесь. Мы проходим мимо арбузных, дынных, тыквенных, бахчей; кукурузных, чечевичных, ячменных полей; инжирных, абрикосовых, апельсиновых плантаций. Когда-то этот народ, несомненно, вложит в свои мелодии гораздо более жизнерадостные ноты.

4. Беледуеси

За очередным перекрестком асфальтовых дорог перед нами открываются символические арочные ворота. С их свода на нас смотрит добрый фанерный олень. За воротами - большие тенистые сосны природного заповедника. Чуть дальше – стеклянная будка с надписью «belediyesi» (муниципалитет). Навстречу нам выходит седовласый муниципальный работник.

- Термессос? - спрашиваем мы.

- Гюллюк Дагы Термессос, - произносит полное название национального парка его представитель и с сочувствием оглядывает нас.

Оказывается, развалины древнего города - это лишь часть большого парка заповедной природы. Находятся выше. Еще девять километров в горы. Сюда приезжают на машинах. Вверх ведет извилистое шоссе. Тень придорожных сосен едва ли укроет путника от палящего солнца.

- Тик-тик, - говорит охранник, - Тик-тик.

Показывает на свою голову. Кажется, мы видим его пульсирующие вены.

- Very hot!

Древнейший город на вершине горы, окружающая его заповедная природа – манящая картинка! Седой работник заповедника согласно кивает. Почти две тысячи лет потревоженный землетрясением город стоит нетронутым. Там сохранились стены античной гимназии, там древний храм, там амфитеатр, там глубокие каменные цистерны, там много, много чего интересного, пытается рассказать наш новый знакомый. Рассказывает и с тем же сожалением смотрит на нас. Девять километров! Вверх под палящим солнцем!

Он смотрит на нашу пустую из-под воды бутылку, показывает на кулер в павильоне. Наполнив посуду холодной водой, мы стоим в растерянности. Нужны ли нам настолько: заброшенные, забытые почти на две тысячи лет, развалины?

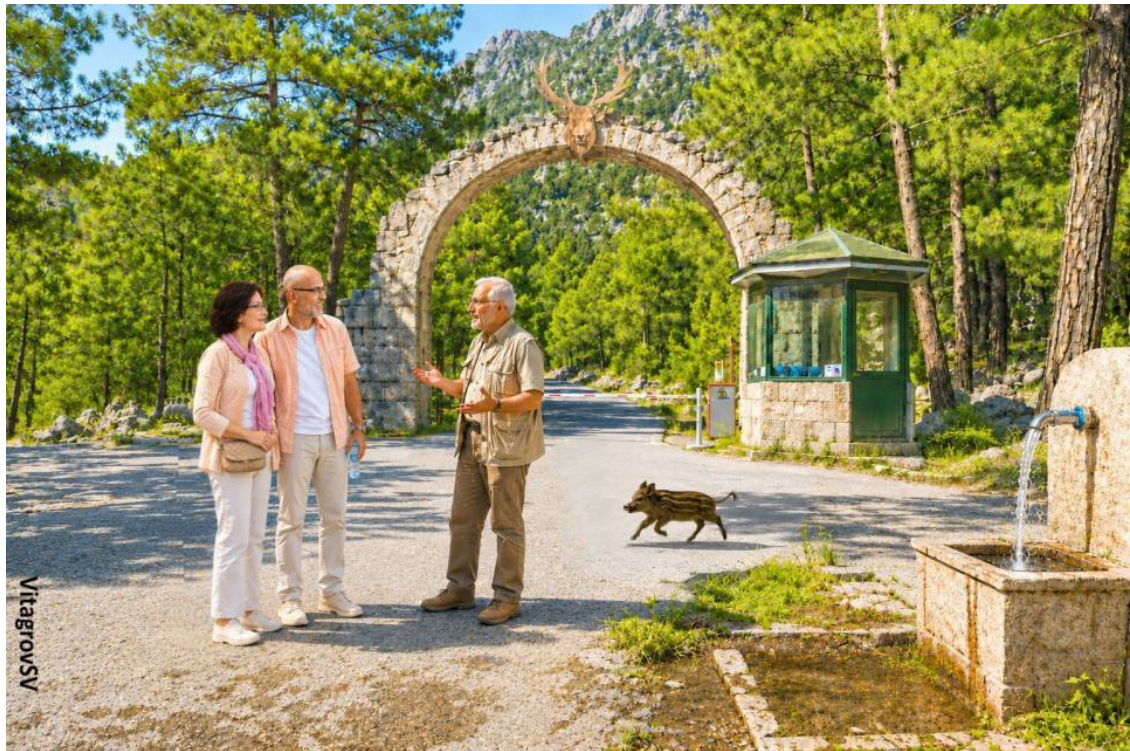
Мимо павильона, через дорогу, пробегает маленький кабанчик. Тонкий хвост с кисточкой задран вверх. Вытянутое рыльце похрюкивает, посмеивается над нами.

«Там даже есть конь!» - продолжает работник заповедника: «И Алкет под конем».

Мы ему показываем: «Наверное, на коне?».

Он согласно кивает головой: «Оба там», - и добавляет: «Это почти Александр Македонский!»

Седой охранник не говорит по-русски. Мы не говорим по-турецки, но мы с историей города ознакомились заранее. И теперь взаимное желание услышать другого, замешенное на искреннем сочувствии к нам, делает все понятным.



В стороне от дороги специально для путников устроен умывальник. Мы отходим умыться. Я опускаю голову под струю воды. Пока она остужает начинающие тикать сосуды. К павильону охраны подъезжает автомобиль. Охранник поднимает шлагбаум, о чем-то беседует с водителем. Дикий поросенок, не успев скрыться в лесу, возвращается обратно. С любопытством останавливается напротив машины, придирчиво втягивает носом.

- Walcome, - говорит нам охранник.

Турецкая молодая пара любезно согласилась подвести нас. Мы садимся в машину, водитель дает гудок, кабанчик фыркает, уступает дорогу.

- Там Юсуф, - говорит напоследок охранник. - He will tell (Он расскажет)



5. Лингвисты

Наше путешествие продолжается. Гасан, водитель, немного говорит по-английски. Узнав, что его попутчики из России переходят на русский. Он знает три фразы:

- Здравствуйте, хорошо, давай до свидания.

В ответ, мы со Светланой переходим на турецкий:

- Merhaba (привет), tamam (ладно), gule-gule (пока-пока).

- Пожалуйста, - вспоминает русское слово, спутница Гасана, Айгуль.

- Afiyet olsun, (приятного аппетита), - вспоминаем мы, и добавляем, только что изученное, новое слово, - Kuzu.

- Овечка, - отвечают нам.



6. Юсуф

Юсуф оказался билетёром. Прежде чем занять муниципальную должность работал, официантом в рассчитанном на российского туриста отеле. В связи с чем довольно сносно изъясняется на русском. То ли ему позвонил охранник снизу, то ли по собственной инициативе, Юсуф решил взять над нами шефство. Отказываться было бесполезно и в какой-то степени, нам показалось, невежливо. В результате теперь я имею возможность не только поделиться своими впечатлениями от увиденного, но и посвятить Вас, дорогой читатель, в подробную историю расцвета и гибели древней цивилизации - по крайней мере, в версии Юсуфа.

7. Осада города

Из официальных источников до наших дней дошли: имена двух противоборствующих воителей - Алкета и Антигона Одноглазого; и известие о конфликте поколений между уважаемыми старцами, с одной стороны, и молодежью города - с другой.

Барельеф, посвященный Алкету и его коню, разместился в самой высокой точке древнего поселения. За каменным надгробьем, преданный старейшинами, уже более двух тысячи лет Алкет покоится сам.

Город, который сам Александр Македонский называл неприступным гнездом орла, при осаде не таким уж прославленным, да к тому же еще и одноглазым, воином Антигоном, раскрыл потайные ворота и выдал, по требованию воителя, умерщвленное тело полководца Алкета.

Старики Термессоса приняли мудрое решение. Дабы не подвергать опасности нажитое за долгую жизнь имущество, вошли в сговор с осаждающим город войском. В разрез с решением Демоса - народного собрания - приняли ультиматум: выдать Алкета.

Антигон обладал мощнейшим оружием - серпоносными колесницами смерти. Их отточенные лезвия крошили все встающее на пути. Напрасно убиенный Алкет убеждал Собор старейшин в никчемности широких двуколки на узких горных дорогах. Напрасно объяснял, что пронзительный визг крутящихся серпов опасен лишь на равнине, а устрашающий боевой хрип говорит не о силе оружия, а об усталости лошадей. Слишком высоки были ставки, слишком большими могли быть потери.

Так один из уважаемых старцев только что закончил отделку своего загородного жилища. Другой за неделю до событий заполнил во дворе новой виллы бассейн. Третий, вообще, обещал провести в метрополии, ни много ни мало, настоящую пенсионную реформу. Тут необходима стабильность, этого требует население, это его гражданский долг!



Резолюцию приняли без Алкета. На тайном совещании согласовали с главным жрецом и по его настоянию одобрили у живущего в земляной норе, под храмом, затворника.

Затворник пользовался большим авторитетом. Давно не стригся, не брился. В темноте и одиночестве почти ослеп, стал почти немым, потерял почти все зубы. За высоконравственный аскетизм при жизни был признан почти святым человеком.

Молодежь, правда, посмеивалась. За шамкающий рот называла святого человека шаманом. Но это по глупости. Глупость искоренялась в городской гимназии.

- Веруешь ли ты?! – спрашивали провинившегося, вслед за чем к образовательному процессу подключались вымоченные в соленой воде розги.

Святость восстанавливалась. Громкие крики провинившихся тянули ее к небесам. Поднимали на недостижимую, простому смертному, высоту.

Сам шаман о городских порядках не задумывался. Светские вопросы святого человека не волновали. Ничто не связывало его с этим миром, разве что глубокая нора – последнее прибежище, да еще, как ни странно, выращенная на заднем дворе храма морковь. Жевать, по понятным причинам, не мог. Только от одного запаха свежесмытого с грядки овоща у затворника просветлялся взгляд, прорезался голос. Слова были непонятны: сплошное мычание, шамканье, вой. Но старейшины, слышав торжественно-покойные ноты, уловили в них руководство к действию.

Жрец пространно упомянул божью волю: «Ибо токмо по ней, все сотворенное на земле, и происходит», а заодно и свод полисных правил, согласно которым основная часть имущества покойного отводится храму. На этом прения завершились. Решение приняли к исполнению.



Пока гимназисты старших классов, вместе с воинами города, готовились к отражению атаки, Совет старейшин направил к полководцу преторианцев. Алкет был относительно молод, в тонкостях большой политики не разбирался. О том, что острый нож в руке блюстителя порядка может быть применен к нему, своевременно не догадался.



Тот, кто утром повелевал целым войском, к полудню безвольно обмяк, повис поперек спины своего коня. Ни сила, ни ловкость, ни преданность боевых копыт теперь ничем не могли помочь. Верный друг, столько раз выносивший из самого страшного пекла битвы, в один миг стал ненужным и годился лишь на то, чтобы скинуть бездыханное тело хозяина к ногам завоевателей.



Антигон, удивленный поступку мудрецов, не сразу поверил в их искренность.

- Дебилы! – сказал он, после чего долго рассматривал единственным глазом принесенное тело.

Два дня заставлял его переворачивать. Надеялся выявить хоть какое-то отличие от того, что наблюдал в этом теле ранее, когда оно было живым.

У покойного при жизни имелся личный знак, единственный на всем средиземноморье золотой браслет с высеченным девизом: «ВЕРУЮ». Перстень исчез, но натертый на левом запястье след подтверждал искренность старейшин. Они свое условие договора исполнили.

Очевидно, Антигону не столь был нужен труп. Нужен был город. Но он дал слово. Слово куда-то записали. Записали столь надежно, что оно дошло до наших дней.

Антигон, потерявший глаз, уже и так подвергался насмешкам соплеменников из-за своего перекошенного лица. Дабы скрыть дефект ему приходилось щуриться, только это не помогало. Даже в среде дружественных кланов, полководца, не смотря на все его подвиги и заслуги, за глаза снисходительно величали «Прищуренным». Он, конечно, понимал, что фотографию его мы не увидим, но записанное слово прочтем. Антигон не пожелал, что бы и у потомков был повод посмеяться над ним.

Разочарованный исходом дела, Одноглазый воитель долго глумился над телом поверженного врага. Но на рассвете третьего дня, следуя данному старикам обещанию, осаждающее город войско отступило.



У подножия горы осталось никому ненужное истерзанное тело.

8. Траур по герою

В споре со старцами молодежь Термессоса проиграла. Старики, призывающие к стойкости в защите города, называющие осаждающее войско диким племенем прищуренных обезьян, за спиной горожан вели с этим племенем переговоры о гарантиях их имуществу.

Тело Алкета с почестями похоронили в самой высокой точке города. Звучала торжественно-траурная музыка. Над саркофагом священный ритуал творил верховный жрец. С погребальной речью выступали уважаемые в городе старцы.

Сообщили о достоинствах покойного, о его героизме, самоотдаче, беззаветной любви к чему-то, чего не осязать, не увидеть, но уважать, обязательно, надо. Исходя из этой беззаветности, отдавая дань предкам, следуя скрепоносным традициям преемственности поколений, доблестный Алкет, исполняя волю богов, покончил жизнь самоубийством! Прикрыл своим телом город!

Божье проведение подтверждалось присутствием на церемонии святого человека. Лохматое существо, вытасченное из норы, пряталось под дощатым настилом, откуда довольно успешно хватало беззубым ртом немытую морковь; мычало, стонало, шавкало, выло.



Среди молодежи пронесся неодобрительный ропот. Один из гимназистов пытался что-то сказать. Дорогу к трибуне преградили преторианцы и вздернутый перст старейшины.

- Веруешь ли ты?! – вопрошал почтенный житель города, и золотой браслет на его оголившемся запястье подсказывал правильный ответ.

- А что это?! - растерянно произнес юноша, - Это же...

Неоконченная фраза повисла в воздухе. Что-то сильно смутило молодого человека. Он молча развернулся и спустился в толпу.



А самый старей, самый уважаемый житель города, который, в силу почтенности, имени убиенного вспомнить не мог, сказал, что покойный был очень красив, гораздо красивее того другого, с одним глазом, имя которого он, так же, забыл.

Ему шепнули, что тот другой может вернуться. Старик стал объяснять, что его неправильно поняли. Красивым был не сам покойный, а его конь, которого, кстати, покойный завещал ему лично.

На этом у стариков возникла заминка. Уважаемого жителя кто-то, тоже довольно уважаемый, толкнул в бок, кто-то наступил на ногу и с силой придавил ее. Пауза затянулась, стала чем-то походить на несогласие и даже - спор. Дабы молодежь не подумала чего-либо для нее вредного, в торжественной части объявили перерыв.

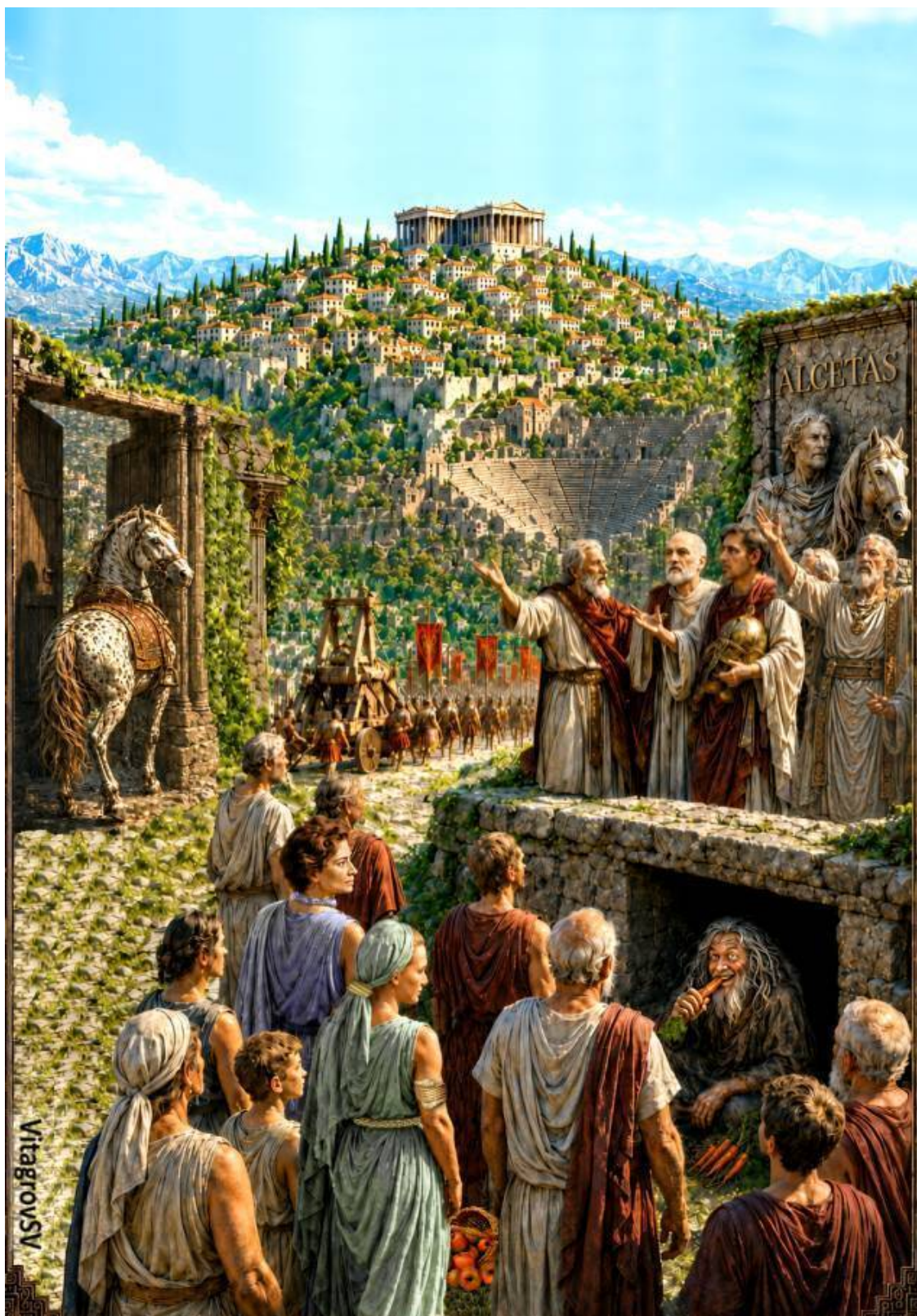
Конь в спор стариков не вступал. Недовольный плохой уборкой конюшен, в тревожные для Термессоса дни ими почти не занимались, он процокал к потайным воротам, на минуту остановился в них, оглянулся.

Старики продолжали делить имущество покойного. Кто-то требовал себе доспехи, кто-то красавицу жену. Жрец благообразно взирал на молодежь, эпически проникновенным голосом взывал: «В согласии мы едины! Будьте такими, какими были предки!» Под трибуной, укрывшись от солнечного света, сосал немывтую морковку шаман.

Конь, тяжело вздохнул. Едкий запах навоза из неубранных конюшен резанул большие ноздри, заставил чихнуть.

- Дебилы! - сказал конь и ушел.

Конфликт с молодежью почтенные граждане Термессоса разрешили выделением средств на преемственность поколений. Деньги направили на закупку розг и соленой воды для гимназии. Пенсионную реформу пришлось отложить.



9. Историческое уточнение

Возможно, все было не совсем так. Кто-то решит меня поправить. Но полагаю, он не будет серьёзным историком. Профессионалы вряд ли станут заимствовать мои заметки для научных изысканий. Я же в свою очередь замечу, такую версию предложил сам почтенный Юсуф! А он продал не одну сотню и, наверное, не одну тысячу, билетов.

- История продажна, - заявляет Юсуф.

И попробуйте с ним поспорить. Это будет бесполезно и в какой-то степени невежливо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.